

МИХАИЛ ЧЕРЊАЈЕВ: АУТОБИОГРАФИЈА

Приредила: Душица Стојановић, мастер историчар

Центар за руске и источноевропске студије
Филозофског факултета Универзитета у Београду
dusicas996@gmail.com

МИХАИЛ ЧЕРНЯЕВ: АВТОБИОГРАФИЈА

Подг. Д. Стојанович, магистр-историк

Центр по изученију Русије и Источне Европе Одделења историје
Филозофског факултета Белградског универзитета

Одељење рукописних извора Народне библиотеке Србије чува заоставштину Сергеја Николајевича Смирнова (1877–1958), руског архитекте и организатора емигрантског живота блиског династији Карађорђевић из периода 1919–1944. године када је он са породицом живео у Србији. Између осталог, тамо се налази и преписка са ћерком генерала М. Г. Черњајева Антонином Михаиловном Черњајевом поводом њеног доласка у Србију после бекства из совјетске Русије. Верни биограф свог оца, Антонина Михаиловна Черњајева посветила је живот сакупљању и изучавању страница живота славног руског генерала. Њени документи и белешке подељени су између различитих збирки, а углавном су сконцентрисани у Одељењу рукописа Државног историјског архива (Москва, Русија) и архива Међународног института за друштвену историју (Амстердам, Холандија). Први пут после саме А. М. Черњајеве текст ове аутобиографије из фонда „Архива Черњајева“ користио је амерички истраживач Д. Мекензи у својој обимној, иако отворено пристрасној (као и остала русистика из периода Хладног рата) биографији М. Г. Черњајева.¹ У Народној библиотеци Србије, у фонду С. Н. Смирнова чува се примерак „Аутобиографије М. Г. Черњајева“ коју је 1990. године приложио активни истраживач руске емиграције Јован Качаки. Копија „Аутобиографије“ искуцане на писаћој машини има руком писане коментаре саме Антонине Черњајеве, које објављујемо овде у фуснотама са ознаком: (прим. А. М. Черняевой).

1 D. MacKenzie, *The Lion of Tashkent: The career of General M. G. Cherniaev*, Athens-Clarke County (Ga.), 1974

Антонина Михайловна Черњајева (1868–1955) проживела је буран и дуг живот – побегла је из совјетске Русије у емиграцију, провела период између два светска рата у Србији и завршила свој животни пут у Финској, где је успела да се пресели током Другог светског рата захваљујући заступништву Манерхајма. До почетка Првог светског рата она се активно бавила изучавањем биографије и наслеђа свог оца. Објављивала је под псеудонимом А. Михайлов² и под својим именом.³ У последње време, њени ранији радови постали су доступни руским истраживачима, захваљујући пројектима дигитализације историјске периодике и публицистике (gunivers.ru, militera.lib.ru). У исто време текстови њеног оца М. Г. Черњајева, објављивани углавном у дневним новинама, мање су доступни. Још увек нема комплетних научних публикација његових радова или беспристрасне биографије иако славни вођа руског добровољачког покрета, несумњиво, заслужује зборник личних радова и биографску студију коју би написали руски историчари.

Михаилу Григорьевичу Черняеву
Архистратиг славянской рати,
Безукоризненный герой!
Под кровом Божьей благодати
Да совершится подвиг Твой!
Да сохранит в борьбе кровавой
Тебя Всевышнего рука,
И Память дел Твоих со славой
Пройдёт в далёкие века!

О. Миллер⁴

2 А. Михайлов, *Михаил Григорьевич Черняев*, Санкт-Петербург, 1906.

3 А.М. Черняева, „Страница из семейной летописи Черняевых”, *Русский архив*, Кн. 2, № 8, 1909, с. 687–694; А.М. Черняева, „Государь император Александр III и М.Г. Черняев”, *Исторический вестник*, Т. 118, № 10, 1909, с. 152–157; А.М. Черняева, „Правда о начёте на М.Г. Черняева (Из прошедших судеб Туркестана)”, *Русский архив*, № 3, 1911, с. 443–462; А.М. Черняева, „М.Г. Черняев в Кишиневе”, *Исторический вестник*, Т. 132, № 6, 1913, с. 910–917; А.М. Черняева, „Один из стаи славных (П.Г. Кузьминский)”, *Исторический вестник*, № 4, 1914, с. 222–224.

4 Орест Фјодорович Милер (1833–1889), филолог и словенофил.

Автобиография М.Г. Черняева

Записана она редактором «Русской старины», Михаилом Ивановичем Семевским⁵, или скорее членом его редакции, когда ещё, кажется, стенографии не существовало, поэтому запись была не буквальная. Однако она ценна по сообщаемым фактам. М.И. Семевский прислал её для одобрения Михаилу Григорьевичу Черняеву, который только перечеркнул свой разговор с великим князем Николаем Николаевичем в Кишиневе, написав на полях: «Легче написать сызнава, нежели переписать».

В альбом М.И. Семевского, собиравшего автографы, М.Г. Черняев вписал: «Родом мы из Новгорода. При его разгроме Иваном III, предок наш Ефрем был бит батогами нещадно и сослан на низ.⁶ От этого предка я унаследовал, вероятно, самостоятельность характера» – заканчивает шуточно свои строки М.Г. Черняев.⁷

При поступлении Михаила Григорьевича в корпус отцу его Григорию Никитичу Черняеву,⁸ отставному подполковнику, бывшему областным обер-форстмейстером⁹ в Бендерах была выдана из Кишинёвской духовной дикастерии» справка, что сын его и жены его Шарлоты Филипповой дочери,¹⁰ Михаил родился в Бендерах 1827 г. 22 октября.

Антонина Михайловна Черняева

-
- 5 Михаил Иванович Семевски (1837–1892), историчар и новинар.
 6 В Курскую губернию (прим. А.М. Черняевой).
 7 Приведено мною по памяти (прим. А.М. Черняевой).
 8 Григориј Никитич Черњајев (1787–1869), ишао у Шкловску племићку школу коју је основао исељеник из Србије Симеон Зорић (Неранцић). Био је учесник битке код Аустерлица 1805. године, руско-турског рата 1806–1812, Наполеоновог рата са Русијом 1812. и Рата шесте коалиције. Учествовао је у биткама код Дрездена и Лајлица, ушао је у Париз. Био је руски командант у Валенсјену и Луневилу. После тога, служио је у администрацији провинцијских руских градова – у Измаилу, Кишињеву, Кијеву, Бердичеву и Бердјанску. Најдуже је био на челу бердјанске луке (1842–1855), пензионисавши се са чином генерал-мајора.
 9 Обер-форстмајстори били су на челу губернијских шумских одељења. У складу са највишим одобрењем, „Правилником о новом уређењу шумарства у губернијама“ од 19. јуна 1826, ове позиције су укинуте, обер-форстмајстори преименовани су у губернијске шумаре.
 10 У време боравка у Француској Г. Н. Черњајев, непосредно пре него што је послат у своју отаџбину 11. новембра 1818, оженио се ћерком градоначелника француског градића Лакеном Шарлотом Лекјуе. Умрла је 11 година после свог мужа 1880.

Автобиография

Мы родом из Новгорода, откуда были выселены на юге (в Курскую губернию). При первых царях числились уже дворянами. Дед мой, полковник увез чужую жену, продал своё Курское имение и был назначен директором таможен только что присоединенного северо-западного края (Белоруссия). Отец мой и все мои дяди воспитывались в Шкловском корпусе Зорича. Отец мой окончил корпус в 1805 г. и служил в Ново-Ингерманландском полку, в корпусе графа, потом князя Михаила Семёновича Воронцова.¹¹ Тотчас по окончании кадетского корпуса отец мой принял участие в военных действиях. Русские войска под общим ~~началом~~ начальством Кутузова вступили в Австрию против Наполеона, где отец мой участвовал в сражении при Аустерлице.¹² Дослужив в Ново-Ингерманландском полку до майора, участник Отечественной войны, во время пребывания во Франции, отец мой женился на француженке и приехал в имение Тубышки, Могилевской губернии. Воронцов предложил ему место лесничего в только что присоединенной Бессарабии, в городе Бендерах, где я и родился. Отец мой, не поладив с начальством, часто выходил в отставку, то служил, то возвращался в деревню. 9 лет я поступил в пансион к учителю Могилевской гимназии, а потом перешёл в пансион к инспектору гимназии. Когда я дошёл до четвертого класса, мне вышел черёд для поступления в Дворянский полк (кадетский корпус). Я приехал в Петербург в 1844 г. и поступил в подготовительный пансион на Петербургской стороне, недалеко от Дворянского полка. Я блестяще выдержал экзамен и скоро был записан на золотую доску. За курение был выпорот, но не упал духом и продолжал быть на отличном счету. Корпус я окончил 18 лет и по баллам мог выйти в артиллерию, но предпочёл пехоту, поступив в Павловский полк. Затем я поступил в военную академию. Военную географию преподавал скучнейшим образом Мильютин,¹³ творческими силами не обладавший, наделенный только способностями подражательными. Деление России на военные округа – затея злопо-

11 Михаил Семёнович Воронцов (1782–1856).

12 В автобиографии пропущено участие Григория Николаевича Черняева в турецкой войне 1806–1812 гг. (прим. А.М. Черняевой).

13 Дмитрий Алексејевич Мильютин (1816–1912), министр рата 1861–1881. године.

лучная, подражание маршалу Сен-Сиру¹⁴, который ввел эту меру с целью уничтожить в Наполеоновской армии дух преданности к своему гениальному вождю, заключенному на острове Св. Елены. Военская повинность тоже мера неудачная. Бессрочные отпуска каждые 4 года и ежегодные новобранцы обходятся народу очень дорого, а главное армия будет настолько не сплочена, что мы каждую кампанию будем начинать с того, что нас будут бить нещадно.

Свойства Милютина – осторожность, никогда не проговорится. Общие места: «добродетель – похвальна, порок – вреден». Он мелочен, мстителен. Хвалят его либерализм и гуманность, но воспитание армии должно идти совсем на другом духе.

Профессор Лебедев,¹⁵ читавший историю военного искусства, обладал блестящим даром слова. Профессор Карцев¹⁶ был груб. Иван Петрович Шульгин,¹⁷ штатский, был удалён, после того как на уроке истории сообщил, что царствующая династия не Романовы, а Гольштейн-Готторпы¹⁸. Академия давала развитие и любовь к занятиям.

Окончив академию, я снова поступил в гвардию, потому что ей прибавили содержание, а не в генеральный штаб. Но вскоре почувствовал, что перерос Фронтовую службу и в 1852 г. подал прошение о поступлении в генеральный штаб. Генерал-квартирмейстер Берг потребовал вторичных экзаменов. Я стал заниматься, но вице-директор академии предложил мне экзаменоваться только из геодезии, которую я не держал, а из остальных предметов поставил мне баллы без вторичного экзамена, так как я имел уже полные баллы.

По окончании академии офицеры прикомандировались к разным полкам всех родов оружия, так как я служил в пехоте, то мне сделали снисхождение и прикомандировали только к кавалерии и артиллерии. Как только я надел мундир генерального штаба, состоялось мое назначение в действующую армию в 1853 г. в 4-й корпус,

14 Лорен Гувион Сен-Сир (1764–1830), французски офицер, министар рата Француске 1815, 1817–1819.

15 Пјотр Семјонович Лебедев (1816–1875), офицер и теоретичар.

16 Александар Петрович Карцов (1817–1875), генерал и војни теоретичар.

17 Иван Петрович Шульгин (1794–1869), историчар, универзитетски професор, ректор Санктпетербуршког царског универзитета 1836–1840. године.

18 Ово тврђење повезано је са историјском чињеницом да је унук Петра I (син његове ћерке Ане и Карла Фридриха војводе од Холштајн-Готорпа) војвода од Готорпа Карл Петар Улрих постао руски цар 1761. године под именом Петар III, а сви наредни руски монарси били су његови директни потомци по мушкој линији.

который уже выступил, и я поехал его догонять в Бухарест. Нас послали под Калафат. Отрядом командовал генерал Фишбах¹⁹. Настроение в армии стояло не высоко, народ относился к войне равнодушно. Живое народное чувство проявилось лишь с Севастополя. Я, по природному влечению, был лично настроен к войне. Письменных занятий я не люблю. У Фишбаха я был постоянно на аванпостах и тут я убедился, что пройденное в академии – хлам, к делу не приложимый. Академия могла быть полезна в 30-х годах, когда в армии царил безграмотность, и нужны были офицеры, умеющие написать бумагу, сделать съемку, составить карту, составить описание сражения. Академия даёт развитие и охоту к дальнейшему образованию.

Особенно памятно осталось мне Карамзинское²⁰ дело, в котором я принял участие. 25-го декабря 1853 г. в первый день Рождества я был при главной квартире, а Баумгартен²¹ с Тобольским полком в Четати. Мы расположились на зимних квартирах. Распоряжался хороший офицер генерального штаба, мой товарищ Кебеке²². В Калафате стоял большой турецкий гарнизон, а мы стояли в Белешти, громадном селе Малой Валахии. Нам нужно было оттеснить турок и помешать им фуражировать в Валахии. В 14 верстах от Калафата, в Четати расположился полк Баумгартена с 4 орудиями и 2 эскадронами гусар. Одесский полк с бригадным командиром Бельгардом²³ был сзади, в селе Мацоци, в верстах в 15-ти, а главный отряд, два полка под начальством Анрепа, стоял в Болешти, так что между нами и Четати было 35 верст расстояния. 25-го, на заре раздался первый выстрел. Услыхав их Бельгард поспешил на помощь Баумгартену, державшемуся стойко. Бельгард, опасаясь опоздать, попал в тыл туркам и тем спас Баумгартена. Анреп²⁴ же, по стратегическим соображением, опасаясь за свою базу, как он оправдывался впоследствии, не пошёл своим на выручку. Он решил выступить только в час пополудни, так что мы пришли только в сумерках и застали хвост турок. 25 декабря, после парада, когда он выступил перед войском, раздался ропот: «Наших бьют», что, наконец, понудило его выступить пополудни. Когда Австрия поставила нам условие не брать Силистрии, угрожая иначе

19 Карл Фјодорович Фон Фишбах, 1852. године добио је звање генерал-лајтнанта.

20 Андреј Николајевич Карамзин (1814–1854), пуковник руске армије у пензији.

21 Александар Карлович Баумгартен (1815–1883).

22 Капетан Кебеке.

23 Карл Александрович Белгард (1807–1868).

24 Јосиф Романович Анреп (1798–1860).

нашему тылу, решено было оставить Молдавию и Валахию и отправить наш корпус на подмогу Меншикову²⁵ в Крым. Предварительно мы должны были занять ущелья, ведущие из Австрии. Мы начали постепенно очищать княжества. Отряд наш сначала отступил к Слатину, на реке Олете, где нам приказано было остановиться. Тогда турки вышли из Калафата и выслали кавалерию для наблюдения за нами. От нас высылались легкие отряды, чтобы разгонять турецких фуражиров. В Слатино прибыл к нам Карамзин,²⁶ бывший адъютант князя Чернышева, вышедший в отставку при женитьбе на Демидовой²⁷. Однажды при встрече с Николаем Павловичем, тот спросил его: «Ты хочешь проситься на службу?». Карамзин ответил: «Если Ваше Величество окажете эту милость». После этого он был принят в чине полковника и зачислен в Александрийские (бессмертные) гусары.²⁸

Карамзин хотел отличиться и отблагодарить за царское благоволение. Командир полка, Алопеус²⁹ был болен. Снарядили отряд из 2-го эскадрона Варшавского и 2-го Ахтырского полка. Мой товарищ Кебека, как офицер генерального штаба, был назначен в отряд. Карамзин командовал эскадроном. Отряд пошёл и увидел турок, Кармазин хотел их догнать, Кебеке советовал послать разведку. Однако турки удрали, Кармазина это взбесило. Назначен был другой отряд, им как старший, за болезнью Алопеуса, опять был назначен Кармазин. Идти с отрядом была моя очередь. «Вот – говорит мне Карамзин – по тонким стратегическим соображением мы упустили турок, возьмите сотню казаков, идите вперёд и обо всем, что увидите, донесите мне». Я отправился, перешли мы через Ольгу, место ровное и открытое, прошли 5 верст. Обыкновенно в таких случаях кавалерия останавливается, чтобы подтянуть подпруги и проч. Обращаюсь к Карамзину: «Не прикажете ли остановиться, мы прошли столько-то верст?». Ответ: «Нахожу это лишним». Поехали дальше,

25 Александар Сергејевич Меншиков (1787–1869), војни и државни делатник.

26 Сын историографа Карамзина (прим. А.М. Черняевой).

27 Ева Аурора Шарлота Шернвал (1808–1902), супруга богатог и старијег П. Н. Демидова 1836–1840, а после његове смрти, у другом браку са млађим и сиромашнијим А. Н. Карамзином 1846–1854. Друштво и њени рођаци побунили су се против тог брака.

28 Незванични назив „Бесмртници“ Александријски хусарски пук добио је у време рата са Наполеоном, 1813. на реци Кацбах, када је лака коњица руских хусара, супротно свим законима ратовања, успела да победи тешко наоружане француске кирасире.

29 Фјодор Давидович Алопеус (1810–1862).

прошли 35 верст без отдыха. Часа в 3 остановились перед речкой Ольтец. Я расставил по селениям пикеты для наблюдения, чтобы жители не сообщались. Начали кормить лошадей, Карамзин пригласил меня обедать. Трапеза длилась 4 часа. Карамзин был задумчив. Я обращаюсь к нему и говорю:

– Тут привели жителей, позвольте их расспросить.

– Хорошо.

Я начал расспрашивать. Карамзин призывает меня и говорит: «Нам нужно до вечера выехать, тем более, что турецкий пикет впереди, в 12 верстах. Берите вашу сотню и идите через мост». Я отправился и вижу, что Карамзин у меня совсем на хвосту, я рысью и он рысью. В селении Доброславени оказался турецкий пикет. Я послал $\frac{1}{2}$ сотни казаков вперед и от их выстрелов пикет ускорился. Между тем Карамзин идёт в каких-нибудь ста шагах от меня.

По дороге нам встретился ручеек Тузлуй и мост через него. При переходе через него нам открылась огромная поляна, а в 4-х верстах был виден город Каркакал и роща. Я рассыпал казаков, Карамзин остановился. Я осведомился у Карамзина:

– Не лучше ли нам отступить, полагая, что главные силы неприятеля в городе?

– Подвигайтесь вперёд – сказал Карамзин – я выставлю артиллерию, когда пойдём на пушечный выстрел. Вы раздвиньтесь, мы сделаем несколько выстрелов, заставим неприятеля раскрыть свои силы и тогда вернёмся. Иначе, что мы донесем начальнику отряда, Липранди³⁰?

Он упустил из виду, что мы были в 47 верстах от своей базы, а кроме того, когда завязывается кавалерийское дело, его трудно распутать. У нас было 4 конных пушек, бивших на 400 шагов. Я расставил цепь, было 5 часов. Штаб-офицеры подошли ко мне и говорят:

– Скажите, пожалуйста, ему, ведь мы попадём в мешок, да к тому же у нас сзади река.

– Скажите сами – отвечал я.

– Нет, говорить не будем.

Это были всё старики, долго служившие в полку, а им поставили молодого полковника. Я раздвинул цепь. Наши 4 орудия успели выстрелить только один раз, так как из ложины, позади турецкого эскадрона, незаметно, из-за обоих флангов показалось тысячи

---

30 Павле Петрович Липранди (1796–1864).

башибузуков. Поскакали они не на фронт, на наши пушки, а в обход. Карамзин, видя, что дело плохо, велел мне послать эскадрон, чтобы их отбросить. Силы были на стороне турок. Они убили эскадронного командира, эскадрон смешался и отлетел, но Малиновский успел повернуть два орудия и шарахнул картечью. Турки отступили, но затем стали заходить в тыл и стрелять. Перебили у нас всех артиллерийских лошадей. Мы стали отступать, отстреливаясь от башибузуков. Подходим к мосту, так уже каша. Брода не было артиллерия должна, конечно, по мосту идти. На неё насаждают башибузуки, хотя она ещё стреляет. Малиновский ранен. Еду к мосту, вижу, на Карамзина напала толпа турок, он стреляет, гусары уже ускакали. Башибузуки заметили во мне офицера и бросились на меня. Я обернулся, смотрю – тинистая канава. Я не решился её перескочить и поскакал вдоль канавы в противоположную сторону. В это время мчится мне наперерез казак. Он хотел перепрыгнуть канаву и завяз в ней с лошадьё. Это отвлекло от меня несколько башибузуков, они занялись казаком, а я проскакал ещё версту в противоположную сторону и перескочил через канаву, куда турки уже за нами не последовали. Затем мы скакали верст 12 к мосту, где у нас был привал. Постепенно всё пришло в порядок, так что через мост мы довольно стройно прошли и тут остановились. Что делать? Идти в лагерь, вечер, темно. Убито у гусар было 10 человек, остальные контужены тупым концом пики, но артиллерию мы потеряли всю. Я поскакал вперед и встретил главный отряд, проходящий через мост Ольты. Тут я сообщил, что артиллерия вся погибла и полк на половину уничтожен. Так казалось, потому что много гусар поскакало прямо в отряд, не останавливаясь у моста. Что касается Карамзина, то один раненый спасшийся, притворился мертвым, рассказал, что он был обезоружен и окружен около моста. Его вели пешего, но он выхватил саблю у одного из конвойных, стал рубиться и сам был изрублен. На теле его было 17 ран. Пехотный отряд привез тела наших убитых, все они раздеты и сильно разложились. В числе их, тело Карамзина было узнано его камердинером, следовавшим на место боя с отрядом. Турки нас не преследовали, думая, что у нас сзади пехота. Опрошенные жители показали, что турок было всего тысяча человек. Это ввело Карамзина в заблуждение. Но жители были правы, потому что их главные силы подошли одновременно. В городе Каракал были с утра только фуражиры.

По отступлению в Бессарабию, кажется в половине июня, мы расположились на квартиры, но тут неожиданно пришёл приказ идти

в Севастополь. Наш 4-й корпус посылался Горчаковым³¹ на помощь Меньшикову. Мы выступили 25 октября, дороги были сухи, нас везли на подводах день и ночь. Кормили хорошо, недостатка в провианте не было. В Крыму мы застали холода, рыли ямы, чтобы защищаться от ветра. Вскоре по прибытии в Севастополь нам пришлось участвовать в Инкерманском сражении, где мы попали в мешок и едва спаслись. Против нас были английские полевые сражения, где мы попали в мешок и едва спаслись. Против нас были английские полевые укрепления, и мы шли под картечью. Спускаясь в крутой овраг, наши колонны представлялись неприятелю совсем в плане. Огонь убийственный и прицельные выстрелы были для нас навесными. Потом пришлось подниматься наверх, шёл дождь, было скользко, мы хватались за кустарник, чтобы не валиться вниз. Наш батальон смешался, образовалась толпа. Однако английское укрепление с 2 орудиями мы взяли. Вскочив в батарею, мне показалось, что англичанин хочет меня прыгнуть штыком, я его ударил саблей и так смутился, что выронил её из рук. Это был единственный случай в моей жизни. Едва взяли мы английское укрепление, вдруг видим 2 батальона Венсенских³² стрелков и 2 батальона Зуавов³³ бегут на нас в штыки. Мы закричали «ура» и бросились навстречу. Они нас прижали к обрыву, другого пути отступления не было. Кто хотел спуститься, обрывался и падал. Наша атака была удачна, и они отступили. Но в Охотском полку из 3 тысяч осталось всего 600 человек. Нас отвели в на Бельбек, на отдых, а меня через несколько дней потребовали к адмиралу Истомину³⁴ в Севастополь. Тут я имел случай ближе ознакомиться с Тотлебенем³⁵. Во время блокады Калафата (в Валахии), доступ к которому обстреливался с другого берега Дуная, из первой классной турецкой крепости Видин, Горчаков прислал к нам Тотлебена. Он должен был овладеть Калафатом, но Липранди благоразумно отклонил намерение главнокомандующего (Горчакова). Перед Малаховым курганом была высота. Мы с Истоминим два раза ходили её осматривать и решили там построить редут, но Тотлебен не согласился. Когда же французы приблизи-

31 Михаил Дмитриевич Горчаков (1793–1861), војни и државни делатник.

32 Венсенски стрелци, врста француске лаке пешадије, добили су име по томе што је прву чету ових стрелаца формирао војвода Фердинанд од Орлеана 1838. године у Венсену код Париза.

33 Зуав, врста француске колонијалне лаке пешадије, униформа је имала оријентални изглед.

34 Владимир Иванович Истомин (1809–1855), морнарички командант.

35 Едвард Иванович Тотлебен (1818–1884), војни инжењер.

лись, мы давай эту высоту занимать, что стоило нам 6 тысяч жизней. Тотлебен стал известен с тех пор, как во Франции стали говорить против войны. «Кто же мог предвидеть, что в Севастополе окажется русский Вобан?»,³⁶ – оправдывали правительство официозные газеты.

Я слыл в Севастополе за бесстрашного офицера. Я действительно был охотник до этих ощущений. Отделался я счастливо, за все время подо мною была убита одна лошадь и я был слегка контужен от разрыва бомбы. Малахов курган занимал довольно большое пространство, он весь был в траверзах, за которыми только и можно было укрыться. Здесь был убит Нахимов³⁷. Он придет, бывало, взойдет на самый вал и смотрит в подзорную трубу. Его и убили во время наблюдения. Казалось, каждый раз как он приходил на курган, что он ищет смерти. Бойня на Малаховом кургане была страшная. Я пробыл там 8 месяцев, получил Владимира 4-ой степени и золотую саблю. Горчаков приехал к нам на Страстной неделе. У нас пороха почти не было, когда неприятель начал нас бомбардировать. Французы выстрелят, вскочат на вал, посмотреть, удачно ли попали, и очень наловчились. По случаю Страстной, мы едва выпросили у Горчакова 150 выстрелов. Только что он успел уйти, как англичане взорвали пороховой погреб. Малахов курган был взят в 11 часов утра, когда войска обедали. Когда я прискакал от первого бастиона³⁸ с приказанием, Хрулёв³⁹ был ранен. Французы поставили два орудия на Малахов курган и давай провожать нас картечью. Мы оставили французам на Малаховом кургане 15 тысяч снарядов и не подложили мины, иначе много неприятеля погибло, и штурм был бы отбит. На мою долю пришлось отводить войска с бастионов и траншей. Шепелев, назначенный вместо раненного Хрулева, полковник генерального штаба Козляинов⁴⁰ и я переправились на северную сторону на лодке, когда войск на южной не оставалось ни одного человека, и все мосты были разобраны. Французы, полагая, что мосты заложены, нас упустили, мы же опасались, что все погибнем. Войска левой половины оборонительной линии прошли через плавучий мост через южную бухту на северную сторону.

36 Себастьян ле Претр де Вобан (1633–1707), познати француски војни инжињер.

37 Павле Степанович Нахимов (1802–1855).

38 В это время М.Г. Черняев имел назначение на бастионах (прим. А.М. Черняевой).

39 Степан Александрович Хрулёв (1807–1870).

40 Николај Фјодорович Козлянинов (1818–1892).

После Севастополя меня отличили, помимо старших произвели в подполковники и назначили в Царство Польское начальником штаба 3-й пехотной дивизии на только что установленную должность.⁴¹ Воспользовавшись, что Васильчиков⁴² был тогда в военном министерстве, я написал ему письмо с просьбой назначить меня в Оренбург. Крыжановский⁴³ только что туда прибыл. Меня ему подчинили⁴⁴, и из всего завоеванного пространства⁴⁵ образовали кокандскую линию. Крыжановскому очень хотелось взять Ташкент, и он мне писал очень любезные письма, прося дожидаться его приезда. Но это было невозможно, потому что бухарцы собирались двинуться на Ташкент. Я два месяца ходил вокруг него. Мой план состоял в том, чтобы заставить их вдоль всей стены разбросать свои силы, и я достиг цели. Оставив огни на месте лагеря, в верстах 10 от города, обернув колеса орудий войлоком, я направился к воротам, на которые нужно было напасть. На рассвете мы натолкнулись на караул вне стен. Он спал. Мы ему пикнуть не дали, всех перекололи. Затем поставили лестницы и сейчас же бросились направо и налево по стене. Полковника Краевского⁴⁶ я послал на цитадель, а Абрамов⁴⁷ должен был ему открыть ворота. Ташкентцы стали защищаться на своих кривых улицах. Вижу, что ничего с этим поделаться нельзя, а потому приказал жечь дома, подвигаясь к базару. Пятнадцатитысячный гарнизон убежал в противоположные ворота. В Ташкенте, как и вооб-

41 По завршетку Кримског рата и краткотрајне службе у Трећој пешадијској дивизији у Пољској М. Г. Черњајев био је на располагању генерал-губернатору Оренбурга А. А. Катенину, учествовао је у дипломатској мисији у Ирану, канатима средње Азије и Кашгару, у експедицијама у делти Аму Дарје и по Аралском мору. Неколико година служио је на Кавказу у периоду његовог коначног смиривања, а по смиривању Кавказа вратио се у оренбуршки крај 1864. У циљу сједињења оренбуршке и сибирске утврђене линије морао је да стави под контролу неколико утврђења која је контролисао Кокандски канат на челу Посебног западносибирског одреда. Изашавши из утврђења Верное Черњајев је до септембра 1864. заузео тврђаву Аулие-Ата (Тараз) и град Чимкент. ОПИ ГИМ, ф. 208, д. 2, л. 1–6, Копия с послужного списка М.Г. Черняева.

42 Виктор Иларионович Васильчиков (1820–1878).

43 Николај Андрејевич Крижановски (1818–1888).

44 До этого М.Г. Черняев был подчинён генерал-губернатору Сибири, Дюгамелю (прим. А.М. Черняевой). Александр Осипович Дюгамель (1801–1880).

45 Только что завоеванного Черняевым и Веревкиным с городами Аулиэта, Чимкент и Туркестан (прим. А.М. Черняевой).

46 Јакoв Иванович Крајевски (? – умро после 1873).

47 Александар Константинович Абрамов (1836–1886), био је штабс-капетан у време напада на Ташкент.

ще в азиатских городах, было выборное муниципальное управление, оно и сдало город. Абрамову я приказал, идя вдоль стен, сбрасывать орудия, чтобы не возиться с заклёпками. Потом мы всех их собрали, да и свои два орудия вернули. Наши неприятели были люди умные и не трусливого десятка. За стенами они хороши, но беспечны. У них был там султан⁴⁸, сын киргизского батыря Кенисара Касимова⁴⁹. Они назначили его главным начальником. Он был лихой наездник, делал большие набеги, но соображения у него не было. Вместо того, чтобы раскинуть по стене только цепь, а резерв держать только в центре, он расставил по стене весь свой гарнизон.

Крыжановскому очень хотелось самому взять Ташкент, потому он был так раздражён против меня. Приехал он к нам в Ташкент в сентябре. По дороге из Оренбурга он делал смотр войскам, везде ругал их, кричал: «Вам мётла нужно дать в руки, а не ружья». И это после всех одержанных побед. Опасаясь после этого, что при встрече между нами может произойти неприятная история, я сказался больным и выслал ему на встречу своего помощника. В Чимкенте, наконец, он прогнал людей с плаца и всё это для того, чтобы мне сделать неприятность. Я написал ему об этом, что ещё больше его разозлило. Наконец, когда он приехал в Ташкент и расположился в одном доме со мною, я послал ему сказать, что, хотя я и не здоров, но могу представиться. Принял он меня очень сухо, неприятное впечатление произвел проезд с ним Романовского.⁵⁰

Военными успехами я нажил себе много врагов в Петербурге,⁵¹ где меня до этого никто не знал и где я никаких связей и опоры

48 Султан Сиздик (1837–1910), након што је у бици против генерала М. Г. Черњајева у предграђу Ташкента био смртно рањен шеф одбране регент Кокандског каната мула Алимкул, као његова замена био је изабран Сиздик, али је, након завере, протеран и одбраном је у време напада руководио Искандер-бег, изасланик бухарског емира.

49 Кенесари Касимов (1802–1847), од 1841. последњи хан сва три казашка жуза.

50 Дмитриј Иљич Романовски (1825–1881), уредник званичних новина војног министарства 1862–1864, именован 1866. за војног губернатора Туркестанске области уместо М. Г. Черњајева.

51 Жалобы Оренбургского генерал-губернатора на М.Г. Черняева после взятия Ташкента и желание ознакомиться с вновь завоеванным краем побудило военного министра послать туда одного из офицеров генерального штаба. Для этой командировки он наметил редактора «Инвалида», посещавшего его семью, где были дочери невесты, и генерала Полтарацкого, заведывавшего азиатской частью генерального штаба. К злополучию М.Г. Черняева предпочтение

не имел.⁵² В генеральном штабе я был известен как офицер боевой. Крыжановский хотел ознаменовать свой приезд новым подвигом и предложил идти на Коканд. Коканд был ослаблен после завоевания его бухарским эмиром, который всё там разграбил, многих перерезал и, посадив ханом своего родственника, вернулся в Бухару. Но войска у меня было всего 1.100 человек. Только что завоёванный город я не мог оставить на произвол судьбы. При этом люди устали, им надо было дать отдохнуть. Крыжановский посылает ко мне Романовского спросить, нельзя ли сделать экспедицию на Коканд? Я говорю, как хотите, но в таком случае прошу разрешения уехать, потому что вы одержите победу и уедете, а каково-то мне будет до лета держаться тут без подкреплений. Тогда Крыжановский решил ознаменовать свой приезд другим способом. Он написал эмиру Бухарскому письмо, что вот он, начальник края, приехал в Ташкент и желает с ним видаться и просит назначить какой-нибудь нейтральный пункт, чтобы переговорить. Я предупреждал его о всей бесполезности подобного письма. Нужно знать азиатских деспотов, чтобы понять всю их гордость. Его надо сначала унижить, доказать силой, что он ничто, и тогда только говорить с ним, иначе он вам отвечать не будет. Крыжановский однако настоял на своем и послал письмо, но ответа не получил и уехал с Романовским. С тех пор они стали действовать ещё более против меня. Когда я представлялся государю, он сказал мне: «Я недоволен твоим отношением к Крыжановскому». Я был смущен таким отзывом обо мне Романовского, тем более, что он был сделан от меня тайком.

Получив уведомление, что в Ташкент посылается флигель-адъютант Воронцов,⁵³ чтобы от имени государя благодарить войска и раздать им по рублю, я сделал все нужные приготовления.⁵⁴ Между тем Романовский, ехавший с Воронцовым-Дашковым, с первой остановки объявил себя губернатором и принимал должность, не предупредив меня. Когда они приехали в Ташкент я был в лаге-

---

дано было Романовскому, вполне вошедшего в мстительные виды Крыжановского (прим. А.М. Черняевой).

52 Владимир Александрович Полторацкий (1830–1886), руски генерал и картограф.

53 Иларион Иванович Воронцов-Дашков (1837–1916), државни и војни делатник, 1866. именован за помоћника војног губернатора Туркестанске области.

54 За взятие Ташкента М.Г. Черняев был назначен военным губернатором покоренного им края, вошедшего в область Оренбургского генерал-губернаторства, управлявшегося Крыжановским (прим. А.М. Черняевой).

ре против бухарцев. Романовский прибыл ко мне, но я при всем отряде выслал адъютанта сказать ему, что не принимаю его, Воронцова же принял и затем вскоре уехал в Петербург. Вообще я был очень оскорблен. За Ташкент я получил промежуточную награду – бриллиантовую саблю. Попал я в совершенную опалу. Когда представлялся государю, он подал мне руку. Я низко поклонился, но не поцеловал в плечо, как это было у нас принято. «Да поцелуй же меня», – сказал он. Видя, что он так ласков, я поспешил его поцеловать, и мы оба прослезились. Он посадил меня и сказал, что недоволен моим отношением к Крыжановскому. «Ну, побудь здесь года два, – сказал он, – а затем я дам тебе такое назначение, что ты забудешь свой Ташкент». Я видел, что Милютин явно настроен против меня. Его прием показал мне, что я ничего не могу ждать от него. Он был раздосадован тем, что готовил большую экспедицию для взятия Ташкента. При свидании со мной он спросил:

– Что у вас за неудовольствия с Крыжановским?

– Вы знаете причину, – ответил я.

– Что он Вам завидует, эка невидаль ваш Ташкент.

– Желая, чтобы подобный факт в ваше министерство повторился, – сказал я, выходя.

Он догнал меня у двери и стал говорить, что нельзя идти против дисциплины, что мне следовало выйти встретить Крыжановского и проч. Потом мне предложил ехать за границу. По возвращении на меня никакого внимания не обратят.

В это время поднят был вопрос об очищении сербских крепостей от турецких гарнизонов. И потому я написал письмо сербскому князю Михаилу, что желал бы служить в сербской армии во время войны с турками. В это время наше влияние было сильно в Константинополе и турок заставили очистить сербские крепости без войны. Письмо мое было послано через сербского артиллерийского поручика Савву Груича,⁵⁵ которому князь Михаил сказал, что ответить мне из Константинополя, куда едет. По приезде туда он написал мне письмо и послал его через наше посольство в министерство иностранных дел на мое имя. Здесь письмо было вскрыто. Князь Михаил благодарил меня за предложение и просил взять от-

55 Сава Грујић (1840–1913), српски војни и државни делатник. У описано време студирао је на Михајловској артиљерској академији и био је сарадник Санкт-петербуршког арсенала.

пуск и приехать в Сербию, не выходя в отставку. Стремоухов⁵⁶ доложил об этом Милютину, который после неприятной сцены со мной, доложил государю. К счастью, я имел осторожность, когда писал Михаилу, черновое письмо показать Шувалову,⁵⁷ поэтому государю оно было известно⁵⁸. Вот почему, когда Милютин доложил ему об этом, он небрежно сказал: «Ну сделай ему замечание». Милютин призывает меня к себе с вопросом:

– Вы писали письмо?

– Я писал.

– Вы – говорит – изменник.

Тут произошла между нами такая сцена, после которой мы с Милютиним никогда больше не виделись.

Я подал в отставку и решил открыть в Москве нотариальную контору. Жалею до сих пор, что не состоялось, я стал бы богатым человеком. В ноябре 1867 г. скончался митрополит московский Филарет⁵⁹, и продавцы газет выкрикивали на улицах Москвы: «Кончина митрополита Филарета и судьба Черняева». Многие богатые купцы приостановили свои дела до открытия моей конторы. Я держал экзамен при московском окружном суде. Вдруг получаю от Шувалова письмо, через жандармского генерала Слезкина,⁶⁰ такого содержания: «Государь Император, узнав из “Московских Ведомостей”, что Вы желаете сделаться публичным нотариусом, приказал мне предупредить Вас, что Его Величество признает избранное Вами занятие не соответствующим прежнему Вашему служебному положению». Это меня очень возмутило, потому что пенсия моя состояла из 430 рублей в год и в перспективе нищета. Я хотел ехать в Петербург, но Катков посоветовал: «Подождите и отсюда поторгуйтесь с ними». Но у меня уж очень накипело, и я поехал. Явившись к Шувалову, я разразился филиппикой. Шувалов обещал доложить государю. Я отправился к Горчакову⁶¹. «По-

56 Директор азиатского департамента Министерства иностранных дел (прим. А.М. Черняевой).

57 Шеф жандармов, впоследствии посол в Лондоне (прим. А.М. Черняевой).

58 Пётр Андрејевич Шувалов (1827–1889), руски војни и државни делатник, у описано време – шеф жандарма и начелник Трећег одсека (1866–1874).

59 Митрополит Филарет (Василиј Михаилович Дроздов, 1782–1867), епископ Руске православне цркве.

60 Иван Львович Слезкин (1818–1882), начелник Московског губернијског жандармског одељења (1867–1882).

61 Александар Михаилович Горчаков (1798–1883), министар спољних послова 1856–1882.

дождите, – говорит – я сегодня в Государственном Совете спрошу, что это значит?». Не знаю, говорили ли государю, только мне предложили поступить на службу. Шувалов был тогда в контрах с Милютиным и хотел меня пристроить к Валуеву, в министерство внутренних дел. Но государь этому воспротивился. «Если он хочет служить, пусть поступает в военное ведомство», – решил он. Я вновь надел мундир и стал получать прежнее содержание.⁶²

Перед сербско-турецкой войной я издавал «Русский мир» и первый поднял вопрос сочувствия восставшим славянам. Я стал печатать в «Русском мире» список лиц, приславших пожертвования в пользу славян. Фамилии сообщал вымышленные, потому что сразу открыть подписки нельзя было. Печатал целую неделю, отклика нет. Тогда я напечатал очень эффектную статью, в которой говорил, что убедившись в общем сочувствии к славянам, мы открываем в «Русском мире» подписку в их пользу и от редакции жертвуем сто рублей. Пожертвования и полились, но больше в крупные газеты, как «Голос» и в Славянске комитеты, а нам прислали тысяч пять, не больше. К этому времени я принял уже решение ехать в Сербию, как вдруг является ко мне адъютант Потапова⁶³ и вызывает меня к нему в III отделение. Я был в то время в отставке. Являюсь к Потапову.

– Я – говорит он – прямо с доклада у Государя и вот, что его величество мне сказал: “Знаешь, Черняев едет к Герцеговинцам, призови его и возьми с него слово, что он к этим разбойникам не поедет”.

– Извините, – возразил я Потапову, – но я прошу Вас повторить эти слова, так как мне трудно поверить, что Государь назвал Герцеговинцев разбойниками. Но, по требованию государя я конечно к ним не поеду.

Обещав не ехать в Герцеговину и придравшись к слову, я поехал в Москву к Аксакову⁶⁴ и сообщил ему о своем решении ехать к сербам, которым необходимо дать толчок, иначе они будут толковать, не приступая к делу.

– Ну, вы там нашумите, – сказал Аксаков.

– Позвольте, я еду не шуметь, а дело делать, – был ответ.⁶⁵

62 М.Г. Черняев был назначен состоять при гр. Берге, наместнике Царства Польского (прим. А.М. Черняевой).

63 Генерал-адъютант и шеф жандармов, послы Шувалова. (прим. А.М. Черняевой).

64 Иван Серге́евич Аксаков (1823 – 1886), книжевни и друштвени делатник, идеолог словенофилства.

65 Благородный Аксаков в этом деле несколько оступился. О военных действиях судил из Москвы, писал Михаил Григорьевичу в нравоучительном тоне. На

– У меня в Славянском комитете всего пять тысяч рублей, – предупредил меня Аксаков.

– Что же я могу с этими пятью тысячами сделать? – возразил я, но, подумав, все-таки решился.

В Москве через знакомых я выхлопотал себе заграничный паспорт и поехал сначала в Одессу, затем в Кишинев. Там я встретился с болгариним Ивановым, тамошним исправником и членом Славянского комитета. «Здесь есть телеграф и вас могут задержать, Бога ради, поезжайте на Бендеры, а не на Яссы. Оттуда есть дорога на Галаце, там нет телеграфа, и вас пропустят через границу», – говорит он мне. Я так и сделал.

Приезжаю к шлагбауму, он уже опущен. После предъявления паспорта и продолжительных переговоров меня пропустили. Я приехал в Белград 16-го апреля. Милан⁶⁶ и его новое министерство⁶⁷, стоявшее за войну, приняли меня очень радушно. Милан просил меня объехать посты и осмотреть войско, после чего я прямо высказал Милану, что народ не хочет войны. Он сконфузился и возразил мне, что такие вопросы решает интеллигенция, а она стоит за войну. Но будет ли удача при отсутствии воодушевления, усомнился я, но он постарался меня успокоить. Вначале под моим начальством было 40 тысяч, потом мне подчинили все силы за исключением небольшой части. По спискам я командовал 120 тысячами, но это были не русские испытанные части. Вооружены были сербы плохо, пушки их были дарёные из Севастополя, стреляли на 750 сажений,⁶⁸ поэтому я должен был подводить свои войска к туркам на близкое расстояние, для уравновешения с их дальнобойными орудиями. Когда все турецкие силы были стянуты, нас раздавили. Я хотел перенести войну в Болгарию, рассчитывая на содействие болгар, страдавших от турок. Добровольцев с офицерами было всего 2.645 человек, денег только 260 тысяч рублей, помощь ничтожная. Жалования сербы не платили никому, сидя сами без денег. Сколько грязи на меня вылили газеты, не забыть мне этого! При отъ-

---

благодарушие Михаила Григорьевича это не повлияло, они остались друзьями. В 1887 г. Аксаков скончался. Вдова его Анна Федоровна (рожд. Тютчева) не стесняясь сказала моей матери: «C'est donc mon mari qui a fait cette guerre». - «Так это мой муж устроил эту войну» (прим. А.М. Черняевой).

66 Милан Обреновић (1854–1901), кнез Србије 1868–1882; краљ 1882–1889. године.

67 Влада Стевче Михаиловића, која је водила оба ослободилачка рата са Турском и омогућила Србији територијално проширење и независност на Берлинском конгресу, била је на власти од 6. маја 1876. до 13. октобра 1878.

68 50 староруских хвати једнако је дужини од 1.600 метара.

езде на меня исполнительные листы предъявлялись, описывали мои вещи. В газетах писалось, что я два миллиона украд.

Только после объявления войны, в апреле 1877 г. мне было разрешено приехать в Россию с тем, чтобы прямо явиться в Кишинёв, не переезжая границы в другом месте, под страхом быть арестованным. На 9-й день по объявлению войны я был уже в Кишинёве. Остановился у Столыпина⁶⁹. 16-го апреля, в 5 часов утра я лежал ещё в постели, как явился жандармский полковник. Мне мелькнула мысль о ссылке. Я бросился к бумагам и разбудил Столыпина, оказалось, что полковник пришёл приглашать меня к Мезенцову⁷⁰. Тут я набросился на полковника, который стал извиняться тем, что в пять часов утра наверно застанет меня дома. Мезенцов сказал мне, что государь хочет принять меня в то же утро, за полчаса до общего приёма, но призвал меня Мезенцов для предупреждения, чтобы в разговоре с государем я не был бы строптив. Неужели дело дошло до того, что стали сомневаться в моем умении говорить с государем, возразил я ему. Государь встретил меня стоя, не протянув руки. Он очень изменился, меня поразил его блуждающий взгляд.

– Ты меня обманул, – начал он, – ты дал слово не ездить в Сербию.

– Это не так, Ваше Величество, я дал слово не ездить к герцоговцам, которых Вы изволили назвать разбойниками.

– Да, но зачем ты провозгласил Милана королём? Ты мне наделал этим много хлопот и тревог

– Я не видел другого средства заставить сербов драться. Объявив Милана королём, я показал им эту цель, цель полной независимости Сербии.

– Но ты был в Праге, ты меня чуть не поссорил с моим другом и соседом Австрийским императором.

– Я действительно был в Праге, но так как я был проводником славянской идеи, мне надо было показаться среди австрийских славян, чтобы узнать их настроение и отношение к идее, за которую я боролся. Теперь же когда Ваше Величество взяли дело независимости славян в своим могучие руки, я отошёл от него.

69 Аркадиј Дмитријевић Столипин (1822–1899), војни и државни делатник. Отац будућег председника владе П. А. Столыпина. У априлу 1877. А. Д. Столипин је стигао у Главни штаб руских трупа у Кишињеви са звањем генерал-лајтнанта.

70 Николај Владимирович Мезенцов (1827–1878), шеф жандарма и начелник Трећег одсека 1876–1878. Убили су га терористи.

– Ну оставим все это, не будем говорить, что было, я тебя прощаю, завтра выйдет приказ об определении тебя на службу.

17 апреля был день рождения государя, и Рылеев⁷¹ справился у него, не будет ли это для меня слишком большая милость, но государь подтвердил свое распоряжение. Я представился в мундире Столыпина, рукава которого были мне коротки. «Ты похож скорее на полицмейстера, нежели на боевого генерала», – пошутил государь. Затем пройдя мимо, как бы стесняясь, обернулся и ласково сказал: «Я тебя посылаю на Кавказ, ты там служил». Это была уже явная немилость. Я служил в Дагестане, пробовал я протестовать. «Ну, это всё равно, явись к военному министру, или нет, не ходи, он тебе напишет». Государь знал мою ссору с Милютиным. Меня удаляли на Кавказ происками моих недоброжелателей и австрийского военного агента. Был я у великого князя Николая Николаевича⁷². Принял он меня радушно.

– Ну, мы объявили войну, ты доволен?

– Сколько у Вашего высочества войска?

– Двести тысяч.

– Этого мало, надо не менее пятисот тысяч, иначе вы будете разбиты.

Великий князь чуть не подскочил:

– Как же ты держался с горстью сербов?

– Это было другое время и другие условия. С этими силами вы не дойдёте до Балкан.

– Я намерен дойти до Константинополя.

– В виду многочисленности турецкой армии и обширности театра военных действий, будете разбиты, – подтвердил я.

Великий князь не соглашался со мной, однако дважды просил государя оставить меня при нём, но государь отказал. Кавказский наместник,⁷³ как это было принято, был запрошен телеграммой, желает ли он принять меня под своё начальство. Ответ был следующий:

71 Александр Михайлович Рилејев (1830–1907), генерал-лајтнант (од 1876) и генерал-ађутант (од 1873), био је један од најближих повереника цара Александра II.

72 Велики кнез Николај Николајевич Старији (1831–1891), велики кнез, трећи син цара Николаја I, од новембра 1876. до марта 1878. био је главнокомандујући активне (Дунавске) војске.

73 Михаил Николајевич Романов (1832–1909), велики кнез, четврти син цара Николаја I. У то време, главнокомандујући Кавкаске војске и гувернер на Кавказу током руско-турског рата 1877–1878.

«Зная независимый характер Черняева, боюсь недоразумений, командования все розданы и я стесняюсь взять у кого-либо начальство, чтобы передать Черняеву». Застал я его в Александрополе. Принял он меня сухо, чтобы не сказать грубо и начал говорить, что дела у него идут отлично. Истинное положение дела было мне известно:

– Ваше высочество, не стесняйтесь мною – возразил я – я приехал по воле государя, а не за орденами и отличиями.

– Сейчас у меня нет ничего, а когда будет вакансия, я Вам назначу командование по чину».⁷⁴

В Александрополе я остался при госпиталях, а затем под предложением лечения отправился в Пятигорск.

Отозвание из Туркестана в 1883 г. было для меня совершенно неожиданно.⁷⁵ Отряд из Афганистана, находившегося под покровительством Англии, перешёл бухарскую границу и расположился там. Эмир прислал в Ташкент посольство, прося защиты и покровительства. Я послал телеграмму военному министру (стоила она 500 рублей), предлагая, для поддержки бухарцев дать им несколько сот ружей и двинуть демонстративно отряд на границу. Проходят две недели, ответа нет. Тогда я телеграфировал О.Б. Рихтеру⁷⁶, выразив сожаление, что нет ответа по столь важному делу. На другой день пришёл ответ Вановского⁷⁷, что государь одобрил все предлагаемые мною меры. Через несколько дней я получил от военного министра приглашение явиться в Петербург для участия в миссии по преобразованию управления Туркестанским краем. Я был принят государем не в обычный день, в половине второго. Говорил я очень смело, указывая на финансовое и экономическое положение России, утверждал, что принимаемыми мерами министр финансов⁷⁸ не выведет Россию из кризиса. На это государь заметил, что вся Европа переживает кризис. Да, но европейские средства истощены, тогда как в России многие богатства лежат втуне, неиспользованные. Говорил я о недовольстве войска. Все госуда-

74 Как генерал-майору М.Г. Черняеву по чину полагалась всего бригада (прим. А.М. Черняевой).

75 Черњајев је био именован за генерала-губернатора Туркестана 1882, али је убрзо смењен, не успевши да предузме никакве одлучне реформе и мере, осим експедиције на висораван Устјурт коју је лично извео.

76 Отон Борисович Рихтер (1830–1908), генерал-ађутант, од 1881. руководио је пословима Императорског главног стана.

77 Пјотр Семјонович Вановски (1822–1904), министар рата 1881–1898. године.

78 Николај Христијанович Бунге (1823–1895), министар финансија 1882–1886. Изазивао је непријатељска осећања конзервативних снага.

ри с Александр I начинали свое царствование с увеличения жалования офицерам армии и гвардии. Каждое царствование продолжается от 25-30 лет, дороговизна увеличивается, деньги падают, потому необходимо увеличить жалование, тем более, что при ныне существующих сроках службы для солдат, при перемене в личном составе войск чуть ли не каждые три года, единственный кадр армии составляют офицеры, их необходимо привязать к службе.

– Да, – возразил государь, – но им что-то прибавили по случаю коронации.

– Им прибавили по 6 рублей в месяц, но отняли денщиков и подвергли другим стеснениям.

Я говорил, что власть государя самодержавная не есть власть действительная, что его занимают мелочами. Для примера я привел, что у него испрашивали разрешения на двойные для меня прогоны, когда я ехал из Астрахани на коронацию, потому что я ехал по высочайшему повелению. Действительная власть у министров, но и она часто спускается до столоначальников. Я привел как пример этому отзыв военного министра на одну меру, предложенную мною и одобренную государем (в первый свой при нём проезд из Туркестана), об уравнивании по содержанию туркестанских войск с гражданским ведомством в крае. «Да разве государь может сам решать такие дела», – возразил мне Вановский. Государь на это очень побледнел и помолчав сказал: «Вам ответили так потому, что до доклада мне эти дела обсуждаются в комиссиях и комитетах». Отпуская меня, он сказал: «У вас нелады с военным министром и штабом, побудьте некоторое время здесь, я вам дам назначение, а теперь побудьте в военном совете». Я стал просить разрешение жить, где мне наиболее удобно или выйти в отставку.

– Нет, зачем же в отставку, живите, где хотите.

Я передал разрешение государя Рихтеру и поселился в Москве. Назначено мне было жалование десять тысяч. Три тысячи пенсии за Ташкент было испрошено наследником (Александром Александровичем)⁷⁹ у Александра II в 1880 г. через 15 лет по покорении Ташкента.

К О Н Е Ц.

(Извор: Народна библиотека Србије, Р 699/II/1/82)

79 То јест, од стране будућег цара Александра III који је очигледно фаворизовао М. Г. Черњајева.